

УДК 340.1

Воропай Т. С.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ДЖОРДЖО АГАМБЕН: ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В статье предпринята попытка социально-философского анализа института чрезвычайного положения в работе Дж. Агамбена «Homo Sacer. Чрезвычайное положение». Показано, что чрезвычайное положение – это не диктатура, а пространство правового вакуума, зона аномии, где «парализованы» все «нормальные» юридические понятия. Отмечена связь между чрезвычайным положением и революционным насилием, констатирована опасность чрезвычайного положения для молодых демократических государств, включая Украину сегодня.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, право, политика, демократия.

У статті зроблено спробу соціально-філософського аналізу інституції надзвичайного стану в роботі Джорджо Агамбена «Homo Sacer. Надзвичайний стан». Головна мета статті – показати, що надзвичайний стан – це не диктатура, а простір правової порожнечі, зона аномії, де парализовані всі юридичні поняття. Показано зв'язок між надзвичайним станом і революційним насильством, констатована небезпека надзвичайного стану для молодих демократичних держав, включаючи Україну сьогодні.

Ключові слова: надзвичайний стан, право, політика, демократія.

An attempt of social-philosophical analysis of emergency state institute in relation with the G. Agamben's work «Homo Sacer. State of Exception» is presented in this paper. It is found, that state of emergency is not a dictatorship but the room of law vacuum, zone of anomaly, where all «normal» legal concepts are «paralyzed». It is pointed out some connection between state of emergency and revolutionary violence; a danger of emergency state for young democracies including current Ukraine is articulated.

Key words: state of emergency, law, politics, democracy.

Одним из знаковых исследователей в сфере современной философии права является итальянец Джорджо Агамбен (Giorgio Agamben). Его своеобразие как философа не только в яркости и оригинальности выбираемых тем, но и в смене концептуальной парадигмы, заставляющей по-новому мыслить, казалось бы, традиционные и хорошо изученные проблемы соотношения морали и права, права и политики и т. п.

Работа Дж. Агамбена «Суверенная власть и голая жизнь» вышла в 1995 году, став первой книгой цикла «Homo Sacer» [1]. Затем появилась публикация «Что остается после Освенцима: архив и свидетель» (1998) [2]. «Чрезвычайное положение» (2003) – последняя книга данного цикла [3]. Углубленному анализу первой из работ цикла посвящены, в частности, мои статьи [4; 5], а предмет предлагаемого сейчас исследования избрано «Чрезвычайное положение», существенно «резонирующее» с ситуацией в Украине 2014 – 2015 годов.

В работе Дж. Агамбена «Что остается после Освенцима: архив и свидетель» непосредственно исследуется трагический опыт немецких концлагерей. В ней внимание акцентировано на отсутствии адекватного этического инструментария, который бы позволял описывать и анализировать то, что произошло в самом центре «цивилизованной Европы» в 40-х годах прошлого века. Итальянский философ признается, что проведенное исследование «заставило его отбросить практически все теории, которые после Освенцима все еще претендовали на то, чтобы называться этическими» [2, с. 8]. Этим он осмелился вслух высказать то, что многие профессионалы осознавали, но по тем или иным причинам явно не артикулировали: ни телеологическая этика Аристотеля, ни деонтологическая этика Канта не в состоянии предложить современности подходы, которые были бы в состоянии ее, эту современность, осмыслить и описать. В попытках охватить «текущую современность» оказываются тщетными старания некоторых философов в соединении этих мощных в прошлом теорий. «Как мы увидим, практически ни один этический принцип, который наша современность, как ей казалось, могла признать действующим, не выдержал главного

испытания – Ethica more Auschwitz demonstrate (этика, доказанная Освенцимом)», – утверждает Агамбен [2, с. 9] [* 1]. Свою роль он видит в том, чтобы как-то помочь будущим картографам «новой этической территории», даже если удастся всего лишь «добиться пересмотра некоторых терминов, с помощью которых фиксируется этот главный урок столетия, так что некоторые слова выйдут из употребления, а другие начнут пониматься иначе» [2, с. 9].

В работе «Чрезвычайное положение» Агамбен обращается к знаменитой «Политической теологии» Карла Шмитта, где была отмечена сущностная связь между чрезвычайным положением и суверенитетом, дано определение суверена как «того, кто принимает решение о чрезвычайном положении». Как показал с опорой на римскую историю К. Шмитт, суверен является исключенным из закона и подобен в этом отношении изгою, так же стоящему вне закона [* 2]. Такого человека, соединяющего фигуру власти и ничтожества одновременно, и называли в Риме Homo Sacer. Чрезвычайное положение, в которое помещена эта фигура, является истинным основанием любого закона.

Чрезвычайное положение – это, согласно Агамбену, не особого рода право (наподобие права военного); будучи временным упразднением самого юридического порядка, оно обозначает его предел, или *понятие-границу*, за которой уже находится «законное неправое» [3, с. 8]. Ситуация крайней необходимости, на которой базируется чрезвычайное положение, не может иметь юридической формы. Само определение термина находится на границе между политикой и правом. Усугубляет ситуацию с определением чрезвычайного положения и его тесная связь с революцией и гражданской войной, а также связь революции – с мятежом, вооруженным восстанием, переворотом и т. п.

Чрезвычайное положение находится в «двойственной и неясной зоне, на пересечении юридического и политического». Вопрос о границах становится, таким образом, еще более насущным: если чрезвычайные меры суть плод политического кризиса и как таковые должны осмысляться внутри политической, а не конституционно-правовой сферы, то они оказываются в парадоксальной ситуации юридических процедур, которые не могут быть определены в рамках права. Одновременно чрезвычайное положение предстает как *правовая форма того, что правовой формы иметь не может*.

Аналогичный парадокс можно увидеть и так называемом «праве на сопротивление». Аналогия в том, что как в случае права на сопротивление, так и в случае чрезвычайного положения возникает проблема юридического смысла той сферы действия, которая сама по себе находится за пределами правовой системы. Так, история с «законами 16 января», которые пыталась принять Верховная рада Украине во время Революции достоинства, – яркое тому подтверждение. Ибо если бы они были приняты, о «праве на сопротивление» можно было бы забыть. С другой стороны, протестное движение плохо укладывается в нормальные юридические формы и не может быть полностью свободным от политических интерпретаций.

Опираясь на Вальтера Беньямина, Агамбен утверждает, что в современном мире чрезвычайное положение все больше становится правилом. При этом важно помнить, что современное чрезвычайное положение – порождение Модерна, то есть демократически-революционной, а не абсолютистской традиции. С того момента как «чрезвычайное положение... стало правилом», оно все чаще и чаще оказывается управленческой технологией, а не вынужденной чрезвычайной мерой. На фоне неуклонного развития явления, названного «гражданской войной в мировом масштабе», чрезвычайное положение все более и более стремится стать доминирующей парадигмой современной политики [* 3]. В итоге теряется граница не только между правом и политикой, но и между правом и жизнью: исчезает и то, и другое и появляется странный мир чрезвычайного положения, где право не исполняется, а человеческая жизнь превращается в чистую «биологию», осуществляемую биовластью.

Критики отмечают, что Агамбен противопоставляет негативную концепцию чрезвычайного положения В. Беньямина позитивной его концепции К. Шмитта. Для Шмитта чрезвычайное положение – политический аналог чуда, для Беньямина оно, напротив, – аналог политической катастрофы. Шмитт считал норму о чрезвычайном положении необходимой потому, что она позволяет праву выходить за собственные пределы и устанавливать отношения с внеправовым полем. Для Беньямина же чрезвычайное положение есть пространство неопределенности между аномией и правом [7]. По сути Шмитт стремится подчинить

внеправовое поле праву через фигуру чрезвычайного положения, тогда как Беньямин усматривает здесь инструментальное насилие, полностью внеположное праву.

Агамбен различает две интерпретации чрезвычайного положения: «кеноматическую» и «плероматическую». В соответствии с первой, чрезвычайное положение производит правовую пустоту, аномию, тогда как вторая возвращает правителю «полновластие» абсолютного правителя. Именно первую интерпретацию Агамбен считает правильной.

Речь не идет о том, чтобы отвергнуть чрезвычайное положение как зону кризиса права и вернуться к нормативному праву и к жизни, как она есть. Это невозможно, потому что чрезвычайное положение конституирует и право, и жизнь. Подлинный политический выход из ситуации чрезвычайного положения заключается, по Агамбену, в том, чтобы разорвать отношения между правом и жизнью, правом и насилием. Только тогда сможет возникнуть неисполняемое право и самодостаточное действие как элементы неимперативного дискурса, который ничего не предписывает и ничего не запрещает.

Еще одно из важнейших свойств чрезвычайного положения – временное упразднение, в той или иной мере, разделения законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти – повсеместно обнаруживает тенденцию к превращению в длительную управленческую практику. Правительству передается законодательная власть, которая должна быть единственно прерогативой парламента. Агамбен приводит пример нацистского государства. Сразу после того, как Гитлер пришел к власти, 28 февраля 1933 года он издал декрет «О защите народа и государства», который приостановил действие ряда статей Веймарской конституции, касавшихся личных свобод. Декрет не был юридически отменен, что позволяет считать Третий рейх чрезвычайным положением, длившимся 12 лет – вплоть до капитуляции Германии 8 мая 1945 года. Другие примеры из истории также показывают, что срок, на который вводится чрезвычайное положение, редко бывает коротким. Кроме того, история этого института, по крайней мере начиная с Первой мировой войны, обнаруживает, что его развитие шло независимо от процесса конституционной или законодательной формализации. Все это позволило Агамбену прийти к заключению, «что систематическое и регулярное воспроизведение этого института необходимо ведет к ликвидации демократии» [3, с. 9].

В. Беньямину принадлежит известное высказывание: «Ради нашей демократии можно принести любую жертву, тем более временно пожертвовать самой демократией». Но временная жертва демократии безусловно оправдана лишь там, где ее традиции достаточно сильны и есть сильное и развитое гражданское общество. В слабых же или молодых демократических государствах эта «временная жертва» способна похоронить демократию надолго, если не навсегда. Это предостережение представляется не лишним актуальности и для сегодняшней Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ

* 1. Название аналогично названию труда Бенедикта Спинозы «Этика, доказанная геометрическим методом» («Ethica More Geometrico Demonstrata», другое название – «Ethica Ordine Geometrico Demonstrata»).

* 2. Как свидетельствует В. С. Соловьев, И. Г. Фихте в этой связи предлагал следующий мыслительный эксперимент, показывающий, что значит оказаться вне закона. Уличенный правонарушитель сперва просто «оставляется по ту сторону закона». Он делается *vogelfrei* (свободным, как птица), то есть получает возможность творить все, что ему в голову взбредет. Но зато и все другие свободны в отношении его: каждый волен безнаказанно «употребить» преступника по своему желанию, то есть подвергнуть его надругательству, обратить в раба или просто убить. Не очевидно ли, говорит Фихте, что, оказавшись в подобном положении, преступник сам попросит для себя наказание, предусмотренное уголовным кодексом (см. подробнее [6]).

* 3. Выражение «гражданская война в мировом масштабе» в одном и том же 1961 году появляется в книге Ханны Арендт «О революции» и в работе Карла Шмитта «Теория партизана».

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Джорджо Агамбен ; [пер. с итал.]. – М. : Европа, 2011. – 256 с.

2. Агамбен Дж. Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / Джорджо Агамбен ; [пер. с итал.]. – М. : Европа, 2012. – 192 с.
3. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение / Джорджо Агамбен ; [пер. с итал.]. – М. : Европа, 2011. – 148 с.
4. Воропай Т. С. Читая Джорджо Агамбена: переосмысление этики под знаком права / Т. С. Воропай // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. – Том 27 (66). – № 1-2. – Симферополь : Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, 2014. – С. 333-339.
5. Воропай Т. С. Этика и право: Джорджо Агамбен vs Чезаре Беккариа / Т. С. Воропай // Еволюція уявлень про злочини і покарання у суспільно-правовій думці : [збірник матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції. 24 червня 2014 року]. – Харків, 2014. – С. 38-43.
6. Соловьев Э. Ю. Переосмысление талиона. Карательная справедливость и юридический гуманизм / Э. Ю. Соловьев // Новый мир : [лит.-худ. обществ.-полит. журнал]. – 2004. – № 1. – С. 123-142.
7. Магун А. Различать или разрывать? Последняя книга Джорджо Агамбена : [электронный ресурс] / Артем Магун. – Режим доступа : <http://sinijdivan.narod.ru/sdbrez2.htm>.